

Религиозные секты Псковской губернии и Советская власть (середина и вторая половина 1920-х гг.)

Положение религии и церкви в Советской России новая власть определила вскоре после Октябрьской революции известным декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. Церковь лишалась собственности; запрещалось преподавание «Закона Божьего» в школах; ведение актов гражданского состояния перешло к светской власти. Существенные разъяснения по некоторым положениям Декрета содержала и принятая VIII съездом в марте 1919 г. новая Программа РКП(б): «По отношению к религии РКП(б) не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви. Партия стремится к полному освобождению трудящихся от религиозных предрассудков, организуя широкую антирелигиозную пропаганду».¹

Но в арсенале средств Советской власти преодоления религиозности пропаганда не являлась единственным. В Циркуляре по вопросу об отделении церкви от государства (декабрь 1918г.) отмечалось, что не все работники правильно понимают задачи Советской власти в отношении церкви и религии, поэтому «VIII отдел Народного Комиссариата юстиции разъясняет: ...аресты и обыски служителей культа, уличенных в контрреволюционном заговоре, должны быть допускаемы; ...закрытию церкви подлежат в силу нужды в соответствующем помещении для общепользовательных целей...»² Позднее, на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г. М.И.Калинин подчеркивал, что «в религиозном вопросе нет ограничений, тут должна быть самая жестокая критика и борьба».³

Означенные меры касались прежде всего Русской православной церкви, явля-

вшейся до революции государственной религией и продолжавшей, несмотря ни на что, сохранять положение господствующей церкви в стране.

Уже в 1921-1922 гг. Советская власть, воспользовавшись голодом в Поволжье, предприняла меры, чтобы поставить церковь и патриарха к «позорному столбу», обвинив их в сопротивлении изъятию церковных ценностей и в удушении собственного народа «костлявой рукой голода». Продолжением стали многочисленные аресты и расстрелы служителей культа: к декабрю 1926 г. органы ОГПУ арестовали 116 епископов высшего звена патриаршей церкви (из 160) с угрозой расстрела.⁴

Наиболее изощренным методом борьбы с церковью было стремление разложить ее изнутри. Советская власть всячески поддерживала обновленцев, разрешила им созвать в 1925 г. Собор, предоставила возможность публиковаться на страницах официальной прессы, в то время как Русская православная церковь была лишена такой возможности (типографиям было запрещено под угрозой уголовного наказания принимать работы патриаршей церкви). Наряду с «обновленцами» Советская власть поддерживала и сектантов, которые, по ее мнению, тоже являлись силой для раскола официальной церкви и отвлечения от нее части верующих. Секты были уравнены в правах с другими религиозными организациями, а профессиональная группа евреев имела представительство в ВКП(б) в качестве «еврейской секции».⁵

Некоторые конфессии использовали новые для них условия в своих интересах: евангелисты и католики, например, на первых порах открыто приветствовали Декрет об отделении церкви от государства, тем более, что патриарх Тихон в своем завещании

Проскурина Алла Владимировна - аспирантка кафедры отечественной истории Псковского пединститута им. С.М.Кирова

осудил деятельность сект, обновленцев и в особенности католической церкви, как направленную против православия: «Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, а на укрепление веры православной, ибо враги Святого правления - сектанты, католики, протестанты, безбожники и им подобные стремятся использовать всякие моменты в жизни Православной церкви ей во вред».⁶

Руководители сект и ряда конфессий полагали, что национализация коснется только собственности Русской православной церкви, как государственной в прошлом, поэтому в новых условиях предпринимали шаги для укрепления своей собственности. Одним из средств в этом направлении являлась организация коллективных хозяйств. В Первомайской волости Порховского уезда, например, имелась вполне жизнеспособная трудовая артель «Соснино», члены которой придерживались старообрядчества.⁷ Доктрина подобных хозяйств состояла в социальном и экономическом равенстве их членов, что сближало с социалистической идеей, поэтому государство пока не собиралось их ликвидировать. Наступление на них начнется позже, когда «воинствующий безбожник» Ем. Ярославский назовет сектантов спекулянтами, «богатеющими на коммунистических идеях». А пока в директиве ЦК РКП(б) об отношении к сектам (1922 г.) подчеркивалось, что если они не враждебны к Советской власти, то необходимо воздерживаться от их притеснения.⁹

Временная терпимость новой власти к сектантам позволила им вести активную работу среди населения, особенно деревенского. Например, в записке зам. уполномоченного ОГПУ по Дновскому участку от 9 октября 1925 г. отмечалось, что евангелисты Дновской волости собираются провести «Неделю евангелистов», в течение которой членам секты предлагалось активизировать работу по вовлечению в общину новых членов.¹⁰ На I губернском съезде СВБ (30-31 мая 1926 г.) подчеркивалось, что секты укрепляют свое влияние на массы, так как говорят о строительстве социализма на рели-

гиозных основах (на учении Христа о братстве), агитируют крестьян вступать в общину, оказывают беднякам материальную помощь; евангелисты особенно много проводят бесед, читают лекции по гигиене, имеют хороших пропагандистов. Приводился при этом даже случай, когда православный священник послушал сектантского проповедника и склонился на его сторону. Для упрочения влияния на молодежь сектанты устраивали различные праздники, создавали кружки грамотности, выступали против службы в армии, в связи с чем в губернии было 18 случаев отказа идти служить в Красную Армию.¹¹

Результатом политики «внешней лояльности» Советской власти по отношению к сектам, стал рост их численности и членства: к 1926 г. в стране насчитывалось до 6-7 млн. сектантов в деревне и более 700 тыс. в городах.¹² Тенденция роста количества сектантов отмечалась и в Циркулярном письме Совета СВБ Псковской губернии от 30 марта 1926 г.: «За последнее время появилось несколько новых групп, число членов в старых выросло за счет молодежи».¹³ На территории Новоржевского уезда, например, движение евангелистов особенно активизировалось в двух местах - в деревне Доданово и на станции Суцево. Число сектантов в деревнях составляло 110 чел., а вместе с сочувствующими цифра доходила до 200 чел. По социальному составу преобладали крестьяне-бедняки, а по возрасту молодежь. Губком ВКП(б) в специальной информационной сводке от 22 декабря 1925 г. этот рост объяснял хорошо налаженной системой взаимопомощи между сектантами в условиях слабости советской кооперации и культпросветработы.¹⁴ В целом на территории Новоржевского уезда к началу 1926 г. действовали 44 религиозных общества и группы (православные, старообрядцы, евангелисты, баптисты и др.), рост которых продолжался преимущественно за счет бедняков в возрасте 35-55 лет.¹⁵

Выросли и укрепилась в первой половине 1926 г. секты и в Порховском уезде, где по сравнению с ними сильные позиции занимало старообрядчество, привлекавшее

крестьян условиями быта: отсутствие пьянства, ругани и пр. Баптисты же действовали только в одной Порховской волости, активно пропагандируя свои идеи и вовлекая новых членов, особенно девушек: к 1926 г. их насчитывалось 90 человек. В трех волостях - Порховской, Дновской и Первомайской - насчитывалось до 180 евангелистов; другие секты популярностью у населения не пользовались.¹⁶

Рост количества сект и особенно членства в них в 1923-1926 гг. не мог не настроить Советскую власть, делавшую ставку на рост членов СВБ. Однако последний значительно отставал. Не случайно член Псковского губсовета СВБ Лебедев констатировал, что в конце 1925 г. в СССР было в пять раз меньше коммунистов и сочувствующих, чем сектантов.¹⁷ Это заставило ВКП(б) отбросить «лояльность» по отношению к сектантству и перейти в открытое наступление. Уже на XIII съезде партии в 1924 г. была поставлена задача изучить сектантство «самым основательным образом и выработать методологию антирелигиозной пропаганды, создать литературу о сектах».¹⁸

До практической реализации этих указаний на местах дошло несколько позднее, примерно со второй половины 1926 г. Так, в тезисах доклада о задачах и методах антирелигиозной пропаганды на совещании в Островском уезде ВКП(б) подчеркивалось, что, «поскольку среди крестьянства оживляется сектантство, каждый коммунист должен участвовать в антирелигиозной пропаганде, т.к. это борьба классовая»,¹⁹ что «до сего времени антирелигиозная пропаганда направлялась главным образом против православной церкви, пока сектантство не задевалось в силу меньшей изученности и малой заметности. Теперь необходимо изучать сектантство, сведения сосредоточивать у представителя уездного Совета, ежемесячно информировать в письмах о состоянии сект губсовет СБ, бороться осторожно, используя антирелигиозную пропаганду, но в тесном контакте с органами ГПУ».²⁰

В губернии была разработана специальная схема изучения сектантства, предус-

матривавшая выявление социального состава сект и их членов, отношение их к партии и Советской власти, с православной церковью и другими религиозными группами; изучалась внутренняя жизнь сект, их агитация и пр. На основе поступавших по этой схеме сведений можно судить о характере и деятельности сект в губернии.

В одном из Циркулярных Порховского укома ВКП(б) 1926 г., например, отмечалось, что «сектантство очень консервативно, закрепляет в массах старый быт, особенно в деревне. Вовлечение новых членов происходит через оказание беднякам юридической и материальной помощи. Часто секты противостоят общественным советским организациям».²¹ В другом документе подчеркивалось, что «молодежь привлекает лозунг сектантов о непротавлении злу, в результате которого 12 человек в губернии отказались служить в Красной Армии. Во главе секты стоит выборный совет, существующий на добровольные пожертвования. Периодически секта собирается в доме одного из лидеров совета (т.к. молельных домов сектанты не имеют) для проведения бесед, чтотк евангелия и пения. На такие собрания приглашаются и посторонние с целью их вовлечения. Сектанты организуют для крестьян праздники, концерты, создают кружки по борьбе с неграмотностью, драматические и сельскохозяйственные кружки, посиделки кройки и шитья для женщин. Эти мероприятия сектанты используют также для агитации».²²

Привлекало крестьян у сектантов и то, что последние были очень дружны между собой, вели трезвый образ жизни, не курили, отличались трудолюбием, и, говоря о христианском коммунизме, часто организовывали трудовые артели. Артели, созданные ими, существовали, например, в деревне Соснино и Никандровой пустыни Порховского уезда.²³ Но в отличие от начала 20-х гг. теперь отношение Советской власти к таким артелям было более настороженным. Так, говоря о Соснинской артели, орготдел райселькредсоюза рекомендовал обследовать ее для заключения «о нежелательности ее дальнейшего существования»,²⁴ так как

«хотя пропаганды против Советской власти сектанты не ведут, но с уверенностью можно оказать, что тайное желание против РКП(б) и ВЛКСМ у них есть».²⁵

Руководствуясь таким подходом, партийные органы выстраивали основные направления борьбы с сектами: 1) разоблачение руководителей сект, их контрреволюционного прошлого и настоящего; 2) индивидуальная работа с крестьянством; 3) массовая работа по втягиванию трудящихся в общественно-культурную, просветительскую работу.²⁶

В Порховском уезде с целью отвлечь крестьян от влияния сектантов партийные организации усилили беднякам и середнякам юридическую и материальную помощь, активизировали работу по организации в деревнях красных уголков, по читке книг и газет антирелигиозного содержания, проведению бесед о сущности сектантства. Для этих мероприятий активно привлекалась сельская интеллигенция (учителя, агрономы и др.).²⁷ В Невельском уезде расширилась сеть антирелигиозных, естественнонаучных и сельскохозяйственных кружков, каковых в 1926 г. насчитывалось 19, с охватом 421 чел.²⁸ Однако интенсивность этой работы была невелика не только из-за малого общего охвата населения кружковой работой, а прежде всего по содержанию кружков. В антирелигиозных кружках состояло, например, только 33 чел., из которых крестьян было всего 14, а остальные были служащими. Большой популярностью пользовались сельскохозяйственные кружки (всего членов - 350, из них крестьян - 287), но это объяснялось стремлением улучшить ведение хозяйства. В Новоржевском уезде власти прибегали к такому более «эффективному» способу, как внедрение в секту для сбора компрометирующих данных о ней ответственного партийца; выявленные факты должны были публиковаться в стенгазетах.²⁹

Все меры, предпринятые Советской властью для ликвидации сектантства, однако, не принесли желаемых результатов. В резолюции по отчетному докладу о работе губернского Совета СВБ и о перспективах

антирелигиозной работы (конец 1927 г.) признавался продолжавшийся рост сектантства.³⁰ Вскоре на места было разослано указание ЦК ВКП(б) о мерах по усилению антирелигиозной работы, подписанное 24 января 1929 г. секретарем ЦК партии Л.М.Кагановичем: «Местные органы власти недооценивают реакционного влияния религиозных организаций на крестьян и низовой аппарат Советской власти. Недоценка таких явлений, как политические выступления сектантов, развитие религиозной печати, развитая хозяйственная деятельность сектантских обществ приводит к росту сектантства среди крестьянства (особенно среди женщин и детей). Влияние СВБ недостаточно, комсомол и партия ведут работу поверхностно, ЦК предлагает: организовать систематическую антирелигиозную пропаганду в колхозах и совхозах, вовлекая в нее бедноту; Советы должны установить в бывших монастырях и церквях сельскохозяйственные коммуны, больницы, школы, не допуская существования в них религиозных организаций (бывшие монастыри часто использовались сектантами для организации своих религиозных коммун); Наркомпрос должен взять курс не просто на безрелигиозное воспитание в школе, а вводить антирелигиозные циклы, готовить к этому учителей; Главлиту не допускать издательства мистической литературы, издавать только антирелигиозную; колхозам и совхозам необходимо овладеть объединениями (например, столовыми), которые были созданы религиозными организациями и сектами».³¹ Агитаторов из СВБ и партийцев, ведущих активную антирелигиозную работу, рекомендовалось освобождать от работы на других общественных местах, чтобы они могли сосредоточиться на главном.³²

Так в 20-е гг. Советская власть последовательно переходила от лояльного отношения к религиозным сектам к попыткам изучения их и ликвидации пропагандистскими методами и, наконец, к открытому наступлению на них, как и на религию в целом. В начале 30-х гг. социальная база сектантства значительно сузилась,³³ но полностью изжить сектантство не удалось.

Примечания

1. Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви. М., 1959. С. 51.
2. Там же. С. 45-46.
3. Венгер А. Рим и Москва. 1900-1950 гг. М., 2000. С. 214.
4. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 80.
5. Там же. С. 60.
6. Венгер А. Указ. соч. С. 216.
7. ГАНИПО, ф. 128, оп. 1, д.132, л. 73.
8. Деятели Октября о религии и церкви. М., 1968. С. 226.
9. Коммунистическая партия и Советское правительство о религии... С. 68.
10. ГАНИПО, ф. 128, оп. 1, д. 132, л. 245.
11. Там же, ф.6077, оп.1, д.362, л. 41.
12. Федоренко Ф. Секты, их вера и дела. М., 1965. С. 100.
13. ГАНИПО, ф. 109, оп. 1, д. 743, л. 91.
14. Там же. Ф. 100, оп. I, д. 244, л. 94.
15. Там же. Л. 240.
16. Там же. Ф. 128, оп. 1, д. 144, л. 240.
17. Там же. Ф. 6077, оп. 1, д. 362, л. 46.
18. Деятели Октября о религии... С. 227.
19. ГАНИПО, ф. 109, оп. 1, д. 762, лл. 100-101.
20. Там же. Д. 743, л. 91.
21. Там же. Ф. 548, оп. 1, д. 115, л. 6.
22. Там же. Л. 62.
23. Там же. Ф. 128, оп. 1, д. 132, л. 46.
24. Там же. Л. 73.
25. Там же. Л. 46.
26. Там же. Ф. 109, оп.1, д. 743, л. 77.
27. Там же. Ф. 578, оп. 1, д. 115, л. 6.
28. Там же. Ф. 6077, оп. 1, д. 363, л. 7.
29. Там же. Ф. 100, оп. 1, д. 244, л. 94.
30. Там же Ф.6606, оп.1, д.44, л. 50.
31. Там же. Ф. 578, оп. 1, д. 253, лл. 8-9.
32. Там же. Ф. 6606, оп. 1, д. 44, л. 50.
33. Федоренко Ф. Указ. соч. С. 102.